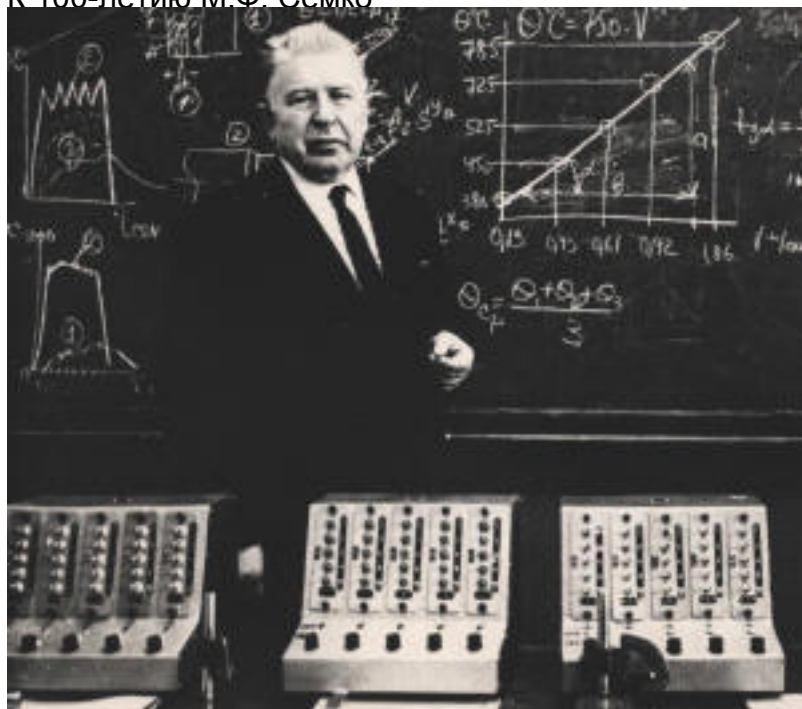

Каждая минута общения с ним была большим уроком

[Профессор В. Долбня, Почетный доктор НТУ «ХПИ»]

#11-12 от 16.05.2006

К 100-летию М.Ф. Семко

Я уверен, что среди моих ровесников-коллег нет ни одного, кто не вспоминал бы с огромной теплотой дни общения с удивительным человеком, каким был наш ректор Михаил Федорович Семко. Припоминая прошедшие годы, я хочу остановиться на некоторых сохранившихся в памяти событиях, которые как нельзя лучше характеризуют этого необыкновенного человека.

В годы моей учебы в институте, а затем в аспирантуре я мало сталкивался с Михаилом Федоровичем. Но вот в 1960 году был создан факультет автоматики и приборостроения, и меня назначили вначале заместителем декана, а потом избрали деканом этого факультета. С этого времени я, как и другие деканы, практически ежедневно сталкивался с Михаилом Федоровичем по работе. Я сразу ощутил на себе огромное его влияние. Каждая минута общения с ним являлась для меня большим уроком. Я учился у него умению работать с людьми, принимать ответственные решения, проявлять в необходимых случаях непреклонную твердость. Михаил Федорович делал это деликатно, нисколько не ущемляя личности собеседника.

Помню, как-то в одном из семестров мои лекционные часы случайно были запланированы учебной частью на время проведения заседаний Совета института. Памятуя о незыблемости правила, что учебный процесс – прежде всего, я однажды пошел на занятия, пропустив заседание Совета. На другой день Михаил Федорович спросил меня: «А что это Вас не было на заседании Совета?» Я сослался на то, что, к сожалению, в это время по расписанию у меня была лекция. Михаил Федорович мягко спросил: «Вы сами измените свое расписание, или мне это сделать за Вас?» Я смутился и ответил, что немедленно

решу этот вопрос с учебной частью.

Обладая этими качествами, необходимыми для каждого руководителя, Михаил Федорович в то же время отличался глубокой человечностью. Высокая требовательность не мешала ему вникать в нужды и беды своих младших коллег. Не было случая, когда он не оказал бы необходимой помощи. Это ощущал и я на себе, в частности, когда работал над докторской диссертацией. Он не только освободил меня на некоторое время от выполнения обязанностей декана, но и предоставил возможность частично освободиться от учебной работы.

Вспоминаю, как однажды мне нужно было получить в Минвузе СССР разрешение на публикацию моей монографии. Я собрался ехать в Москву и попросил Михаила Федоровича подписать соответствующие письма. Он мне сказал: «Письмо – это бумага, которую неизвестно кто будет читать. Скажите от кого зависит решение Вашего вопроса, я днями буду в Москве и решу это на уровне Министерства». Зная его занятость, я был тронут такой заботой, на которую не мог и рассчитывать.

Помню, как в 1977 году при очередном пересмотре перечня научных специальностей Высшая Аттестационная Комиссия страны исключила специальность «Применение электроники в народном хозяйстве и научных исследованиях». По этой специальности готовились аспиранты не только у нас, но и во многих других вузах. Я поделился с этой неприятностью с Михаилом Федоровичем. Он спросил, в каких еще крупных вузах есть аспирантура по этой специальности. Я назвал Московский энергетический институт, Киевский и Грузинский политехнические. «Могли бы Вы организовать письмо за подписью ректоров этих вузов?» – продолжал Михаил Федорович. Я пообещал это сделать, используя свои хорошие деловые связи с учеными перечисленных институтов.

Нужно сказать, что это было смелое решение – коллективные письма в те времена Правительством не поощрялись и могли привести к определенным неприятностям. Но Михаил Федорович в интересах дела принял такое решение – письмо было составлено, подписано ректорами других вузов, и я отвез его в ВАК. Через некоторое время оттуда пришел ответ, в котором Михаила Федоровича благодарили за своевременную постановку этого вопроса и уведомляли, что ВАК вводит в перечень новую специальность – «Электронные и полупроводниковые преобразователи».

В 1978 году Михаил Федорович рекомендовал меня на должность проректора по учебной работе. Как-то ему пришлось лечь на обследование в Областную больницу. В один из дней я приехал навестить его. Мы ходили по больничному саду и разговаривали. Он поинтересовался, как мне работает в новой должности. Я посетовал на свою неопытность и неумение быстро решать многие вопросы, высказал сомнение в своих способностях к этой работе. Михаил Федорович меня успокоил: «Когда я утром ухожу в институт, я составляю перечень из 12–15 вопросов, которые нужно решить в этот день. Вы думаете, я успеваю это сделать? От силы – пять или шесть. Постоянно появляются новые неотложные дела, которые следует немедленно решать и которые оттесняют остальные вопросы на будущее. Так что не отчаивайтесь, с этим сталкивается любой, кто работает. Такова уж наша участь».

Тяжело вспоминать время, когда неумолимая смерть отняла у нас этого прекрасного человека. Примерно за год до этого он оставил пост ректора, передав его своему преемнику Николаю Федоровичу Киркачу. Осенью 1979 года Михаил Федорович уехал в Москву на операцию. В это время Н.Ф. Киркач находился в отпуске и отдыхал на юге, разъехались на отдых проректоры И.В. Рыжков и Л.Л. Товажнянский. Обязанности ректора на это время были возложены на меня.

...Рано утром, в воскресенье 9 сентября 1979 года в институт пришло сообщение, что Михаил Федорович скончался в больнице сразу же после операции. Вместе с секретарем партийного комитета мы срочно собрали деканов и руководителей отделов для организации похорон нашего ректора. Наибольшие трудности вызвал вопрос перевозки его тела в Харьков. Официальным путем это заняло бы много времени, поэтому было принято решение привезти его автомашиной своими силами. Нас предупредили, что работники Государственной автоинспекции могут этому воспрепятствовать.

Мы решили рискнуть. Сели на телефоны и начали обзванивать управления ГАИ тех областей, через которые нужно было ехать из Москвы до Харькова. Надо сказать, что, несмотря на воскресный день и на незаконность такой просьбы, руководители областных ГАИ с пониманием отнеслись к нам и обеспечили машине «зеленую улицу». К этому времени прибыли из отпусков ректор Н.Ф. Киркач, проректоры И.В. Рыжков, Л.Л. Товажнянский.

В день похорон Михаила Федоровича проститься с ним пришло огромное количество людей, многие приехали из других городов страны, были руководители Министерств СССР и Украины и многих других организаций. Мимо гроба, установленного во Дворце студентов и утопавшего в цветах, целый день шел нескончаемый поток людей.

Тяжелыми были последние минуты прощания с ним у могилы. Он для всех нас был не только руководителем, но и другом. Стоя у свеженасыпанного холмика, я невольно припомнил строки из стихотворения моего любимого поэта позапрошлого столетия. Слегка перефразировав их, я прошептал про себя четверостишие:

Прощай, наш друг!.. Забили молотком
Последний гвоздь. Земли последняя лопата
Упала на Тебя, и спишь Ты вечным сном
В стране, откуда нет ни вести, ни возврата...